

НЕЗАРАСТАЮЩИЙ СЛЕД ГРИНА

Л. Михайлова. «Александр Грин. Жизнь, личность, творчество». Издание второе, доработанное и дополненное. Издательство «Художественная литература». М. 1980.

ИЗВЕСТНЫЙ критик и литературовед-исследователь, Л. Михайлова верна своей теме; мне кажется, что творчество Александра Грина для нее и центр устремлений, и область главных удач. Книга ее «Александр Грин», вышедшая в 1972 году и, сколько мне известно, сразу нашедшая от-

звук в сердцах читателей, теперь дополнена, доработана и переиздана.

Интерес наш к прозе Грина, к его личности не остыл, а усилился; думаю, это обеспечивает успех и второму изданию. Спешу, однако, напомнить, что тема Грина еще не была такой благодарной в пору выхода первого издания и что

есть гриновском. — Н. М.) мире. Но совсем нельзя «снять» фразу Грина». Ибо Грин «прежде всего прозаик»... «Когда же к словам Грина, истолкованным вкрявь и вкось, добавляют обилие слов, которых он сам не писал, получается претенциозная безвкусица фильма «Бегающая по волнам».

Михайлова часто права, но местами ее исследование может вызвать вас и на спор. Так, сама же заметив, что главный герой Грина — это, собственно, герой лирический, а значит, сама же лишив себя возможности отрицать в нем лирическое (даже и жанровое!) постоянство, она находит у этого героя наличие каких-то чересчур, на мой взгляд, преувеличенных ломок природы. Если верно то, что Грин писал свою прозу по законам поэзии (а это замечено и Михайловой, и другими критиками), то верно и то, что Грин, подобно Байрону, ставил в центр событий в общем-то однородного человека. Хотя, в отличие от Байрона, погружал его в самые противоположные друг другу состояния. Состояние несчастной любви вылепляет фигуру Горна. Состояние любви счастливой — фигуру Гнора. Кто же социальнее? Горн или Гнор? Ведь Михайлова ставит вопрос в полемично-социальной плоскости.

О произведениях нельзя судить, не заметив сначала, о чем они. «Колония Ланфиер» — это, собственно, песнь о несчастной любви, а не о том, хорош или плох человек, полюбивший навсегда одну, и какую пользу он мог бы принести обществу в противном случае... То есть если б он был не «сам Горн», а «Колония Ланфиер» тоже не сама, а какой-то другой рассказ о других вещах...

Но как же все-таки насчет социального? Повторим за Михайловой: Грин писал по законам поэзии. А в поэзии социальное залегает глубже, чем, к примеру, в бытовой прозе, и не так-то легко распознается...

А как насчет коренных перемен в характерах героев? Михайлова считает, что сам Грин менялся сравнительно мало. Согласна. А гриновский человек меняется, по-моему, лишь настолько, насколько его может изменить счастье. Важнейшая линия Грина — проба непостоянства судьбы на человеке, исполненном постоянства.

Не исчислить вопросов, поднятых Л. Михайловой в ее книге, сторон жизни Грина, его заданных, фактов, его обреченных! Работа Грина над «Бегающей по волнам» и над «Алыми парусами»... Работа его над «Блестящим миром», где «прелесть быденного сплетается со стихией великого»... Оригинальные — и чаще всего верные — разборы его небольших рассказов... Влияние Н. Н. Грина на жизнь и произведения писателя... Мысли о природе творчества вообще. «Самое трудное в творчестве — открытие в мысли», — например, тонко замечает Михайлова. История первоначального неприятия Грина и последующего признания его дается литературоведом в кратких эпизодах-пояснениях, в острых репликах, в «сарказмах» и ворчании, в восторженных возгласах или шутках целой толпы читателей, известных чем-либо и малоизвестных, прежних и нынешних, лично знавших Александра Грина и никогда не видевших его в глаза.

«Художнику вовсе не нужно писать автобиографию, чтобы рассказать о себе», — говорит Михайлова (правда, по другому поводу), а я думаю: в самом деле! Ведь в каждом своем рассказе Грин сам разъяснял какую-либо важную черту своего характера и делал это много реже, чем кто бы то ни было. Критикам, не в меру суровым, надо было ухитриться не понимать его и как раз редкостное его бесстрашие толковать как слабость перед лицом жизни!

Бежит от реальности не тот, кто бежит от ее, допустим, географии, а тот, кто бежит от ее проблем. Писатель, принимающий близко к сердцу проблемы жизни, уже

Александра Грина «Сердце пустыни». О могуществе мечты, о нехлипкости ее у Грина, о той упрямой системности, том подвижничестве, с какими Грин проводил мечту в жизнь, собственно, и написано ее книга.

Новелла МАТВЕЕВА

не без помощи, не без участия Л. Михайловой общие суждения о творчестве Грина стали более развитыми и здоровыми.

...«Рассказы о людях необычайных», в общем-то, пишут многие, но редко кто посвящает большой труд самой необычайности этой, а не только сопутствующим ей обстоятельствам. На эти сопутствующие обстоятельства многим жизнеописателям так и хочется соскочить, а соскочив, — так на них и остаться! К редким авторам, не боящимся воздать должное феноменальности своего героя, принадлежит Л. Михайлова. В ее работе виден характер. «Искусство должно насытить потребность человека в необычайном», — говорит она и, вслед за Грином, совсем не учитывает интересы людей, не имеющих этой потребности; не занимается то есть жалостным оправданием всех, кто наделен воображением, перед всеми, лишенными такового.

«Насильно мил не будешь», — говорят в народе. Что скажешь против, если кому-то и не по душе Грин? Но аргументация Михайловой все же ставит в тупик негриновского человека, словно бы говоря ему: «Сочувствую, но ничем не могу помочь; отныне вам придется не любить автора «Алых парусов» не в наказание за его «нежизненности», а вопреки жизненности его».

Рыцарственная преданность Грину водит перо Михайловой. Для нее его творчество — «вместилище красоты, единственное в своем роде, с отсветом нездешности над очень близким, знакомым». Язык ее доходчив и служит прояснению многих истин, а емкость иных выражений прямо афористична. «Человек — инструмент, по которому настраивается вселенная, но Рюрик фальшивит», — говорит она, например, к слову о рассказе «Смерть Ромелинка». Или: «...Прикасаюсь к искусству, зло обнаруживает себя», — к слову о рассказе «Убийство в Кунст-Фише». Нередко исследователь выражает больше, чем, может быть, собирается. Вот — о статутке-убийце из того же фантастического «Убийства в Кунст-Фише» — фарфоровом самурае: «Жизнеподобность изделий такого рода еще хуже, не всякую жизнь стоит воссоздавать» (подчеркнуто мною. — Н. М.). Это ли не приговор! — не только дурному вкусу, но и почти бессмертному в своей ценности натурализму, который, утратив влияние как направление и как таковой, довольно успешно спрятался в других направлениях и, раздвоившись в них, продолжает вредить искусству и жизни.

Александр Грин все легче вербует себе сегодня единомышленников. И, конечно же, не в одиночку, но достаточно самостоятельно, давно и упорно борется Л. Михайлова с остаточными химерами, навязавшимися, так сказать, на голову Грина в качестве непогрешимых истин о нем. С химерой его «сентиментальности», например. «...Иногда, — пишет она, — особенно в кино, берут кажущегося Грина взамен настоящего». Несмотря на всю — мнимую и немнимую — кинематографичность Грина, «не просто снятое затаенное душевное движение, вечный внутренний порыв, тоску о несбывшемся у героя, рожденного в этом (то

не заслуживает называться «мечтателем» в ироническом смысле слова, ибо такая мечтательность благотворна.

«Мистицизм пробуют надеяться на то, что мечта хлипкая», — замечает Л. Михайлова, к слову, о рассказе